

Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия М., 1985, 66—67

²⁸ Особо стоит вопрос о связи *dardhē* с античным наименованием Дардании, см *Hahn G von Albanesishe Studien* Wien, 1854, I, 239, *Tomaschek W* Die alten Thraker I Übersicht der Stamme // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, CXXVIII, N 4, 1893, 23 f

²⁹ Другие этимологические возможности см *Walde—Hofmann* II, 309—310, *Frisk* I, 121, *Berger H* Das Yasin-Burushaski (Werchikwar) Grammatik, Texte, Wörterbuch Wiesbaden, 1974, 170, *Стеблин-Каменский И М* Очерки по истории лексики памирских языков Названия культурных растений Л., 1982, 109

³⁰ Дилемма, связанная с **tyku* (к слав **tykati*, по В М Иллич-Свитычу, или из фракийского, по Л А Гиндину), остается нерешенной, см *Фасмер* IV, 130—131

³¹ См *Meiße A* Указ соч., 268—269 Применительно к албанскому см *Orel V E* Der Ursprung des sogenannten Kurzpartizips im Albanischen // Zeitschrift für Balkanologie, XXII, N 1, 1986, 87

³² Новое объяснение славянского соответствия **dyzati* см ЭССЯ 5, 231 (с литературой вопроса)

Г.А. Климов

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ

**g^heb(h)u-* 'ЖАБА'~КАРТВЕЛЬСКОЕ *ǰvabu-*

В составе постепенно растущего с ходом исследования списка выявленных картвельских индоевропеизмов обращает на себя внимание обозначение жабы или лягушки, засвидетельствованное в обоих ингредиентах занской ветви картвельских языков — лазском и мегрельском. Имеются в виду лазск (*m*)*ǰvabu-* (атинск. диал.), *mǰvabu-*, *ǰvabu-* (хопск. диал.) 'жаба', а также мегр. *ǰvabu-* 'лягушка' и —переносно— 'некрасивый (о человеке)' и *ǰvab(u)-gord-*, второй компонент которого самостоятельно обозначает лягушку, не находящие своих закономерных соответствий в остальных картвельских языках и потому относимые к числу картвельских индоевропеизмов, обнаруживающих тяготение к занскому ареалу (едва ли сопоставимы с ними и внешне отдаленно напоминающие их груз *gombežo-* 'жаба' и пейоративное груз *gombio-* 'девчонка')

Если отклонить маловероятное, на наш взгляд, предположение о зависимости лазск *ǰvabu-*, зафиксированного в свое время Гр Ачаряном и для хопского диалекта, от новогреческого ζάβλα 'лягушка'¹, то наиболее раннее сопоставление занского материала с индоевропейским принадлежит, по-видимому, Г Шухардту, который предпочитал скорее связывать его с рус *жаба*². В значительно более позднее время такая связь представлялась несомненной и А С Чикобава³. Между тем, в силу известных обстоятельств исторического порядка не приходится говорить о существовании в прошлом каких-либо — опосредованных и, тем более, непосредственных — картвельско-славянских контактов. Отметим к тому же для нашего случая, что взаимное обособление областей распространения лазского и мегрельского языков полосой западногрузинских диалектов, согласно общепринятой в картвелистике точке зрения И А Джавахишвили, должно было наступить около VI—VII вв н э

Если возникновение рассматриваемой индоевропейско-картвельской параллели не связано с игрой случая, то сказанное позволяет предположить зависимость занских лексем от некоторого значительно более раннего индоевропейского прототипа, продолжения которого образуют, как известно, довольно широкую изолексу, представленную балто-славянскими, германскими и итальянскими соответствиями 'ср др-пруск *gabawo*, вост-слав болг, макед *жаба* и их параллели в других славянских языках (в качестве архетипа реконструируется **gēbā*-), ряд германских форм (др-сакс *quappe*, ср-н-нем *quabbe* и др), а также лат *būfō*, *-onis*. Даже если не учитывать латинское слово, иногда сопоставляемое с др-инд. *godhā* 'род крупной ящерицы' (Maughofer II, 347), следует признать, что остальные приведенные формы отражают "диалектное" северно-европейское образование, в качестве соответствующего индоевропейского архетипа которого в специальной литературе предлагалось **g^heb(h)-* (Рокорну, 466). Вместе с тем, неоднократно высказывалось и мнение о принадлежности слова к числу старых основ на *u*⁴. Нельзя полностью исключить его ономатопоэтическую природу (ср, например, общелезгинское **q^wəb-* 'лягушка'), хотя, по мнению Э. Хэмпла, предположение В. Махека о звукоподражательном происхождении этого слова "не является ни убедительным, ни принципиальным, ни обоснованным"⁵.

На фоне бегло охарактеризованного здесь индоевропейско-картвельского контекста слова бросается в глаза архаичность звукового облика его картвельских аналогий (позднейшим развитием объясняется лишь начальный сонорный элемент, иногда встречающийся в лазской форме и отражающий хорошо известную из исторической фонетики лазского языка тенденцию). Так, в вокализме последних следует в этом плане указать, с одной стороны, на гласный *u* их исхода, а с другой стороны, — на их срединный гласный, реализующий одно из звеньев так называемого занского передвижения фонем (**e > a*), характерного для исконного картвельского материала (в этом отношении рассматриваемые формы оказываются в едином ряду вместе с некоторыми другими вероятными мегрельско-лазскими индоевропейскими ср мегр.-лазск *naxv-* 'стирать (о белье)' при и.-е. **sneHu-* и мегр.-лазск *barg-* 'дробить землю, мотыжить' при и.-е. **bergh-*). Наконец, сохранение анлаутного консонантного комплекса занских слов едва ли может служить отражением прототипа кентумного или, тем более, сатемного характера. Однако причины аффрикатизации его начального согласного следует, по-видимому, искать уже на собственно картвельской почве.

Что касается семантической истории приведенных здесь занских лексем, то есть основания думать, что и в мегрельском лексема первоначально обозначала жабу, о чем как будто говорит уже упоминавшееся выше сложение *žvab(u)-gord-*, второй компонент которого восходит к армянскому названию лягушки⁶. В плане семантики небезынтересно также отметить, что в числе вероятных картвельских индоевропейских форм можно назвать и несколько других слов,

связанных с обозначением типичных атрибутов низменных и болотистых областей и, в первую очередь, видимо, исторической Колхиды (ср груз *dube-* 'низина, впадина'⁷, (*š*)*lam* 'ил', *sumpe-* 'лужа, болотце', *ankara-* 'уж', мегр *leta-* 'грязь, глина' и т п)

Примечания

¹ Meyer G Neugriechische Studien Wien 1894, II, 27

² Schuchardt H (реферат) M H Adjarian Étude sur la langue laze // MSL X, 1899, 382

³ Чикобава А С Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь Тбилиси, 1938, 118 (на груз яз)

⁴ Specht F Der Ursprung der indogermanischen Deklination Göttingen, 1947, 168. Топоров В Н Прусский словарь Е — Н М, 1979, 124, Мартынов В В Прусско-славянские эксклюзивные изолексы // Этимология, 1982 М, 1985, 5—6

⁵ Хэмп Э Заметки // Этимология, 1981 М, 1983, 35.

⁶ Кипшидзе И Грамматика мегрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию УП СПб, 1914, XX

⁷ Jedlička J Georgische Etymologien und Vergleichen // Bedi Kartlisa (Rév de Kartvélogie) V XIII—XIV 1962, 106

В. А. Фридман*

КАВКАЗСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ В ЦЫГАНСКОМ

Считается, что языковые контакты европейского цыганского языка с языками Кавказа ограничиваются заимствованиями из восточного армянского, осетинского и очень небольшим числом заимствований из грузинского, например, *khilav* 'слива' (груз *kliavi*) и *khoni* 'нутряное сало' (груз *koni*)¹. Я хочу показать, что цыг *čamčáli* (мн ч *čamčália*) 'ресница', которое было отмечено Паспати и охарактеризовано им как этимологически темное², происходит из груз *camcami* 'ресница' и должно быть, следовательно, присоединено к очень немногим не-индоевропейским кавказским заимствованиям в цыганском

Неконечное ударение свидетельствует, что *čamčáli* не исконного происхождения³, но нет ни индоевропейской, ни семитской, ни алтайской лексемы, которая могла бы объяснить его фонологически и семантически. Данные других цыганских диалектов показывают, что значение 'ресница' передавалось или словом *phov* 'бровь' (скр *bhrū*)⁴ или несомненными заимствованиями, например, *žjana* (рум *geana*), *klepke* (мн ч, макед *кленка*), *kuprukja* (мн ч, тур *kirpik*)⁵

С фонетической точки зрения, изменение /с/ в /č/ (с утратой глоттализации) регулярно для заимствований в турецком языке, который явно влиял в этом отношении на диалекты, описанные Паспати, например, *fiŋča* 'род гриба' (совр греч *φιντζα*), *pivavica* 'пиявка' (болг *пиявица*)⁶. Проблема цыг /l/ на месте груз /m/ имеет два возможных объяснения. Одно из них — диссимилиация с /n/, которая встречается в этом диалекте непоследовательно⁷. Древнегрузинская форма мн ч от *camcami* имеет вид *camcamni* (современный показатель множественности *-ebi*

* Victor A. Friedman, 1987